

Gwangju

뉴욕

Ольга Яблочкина

В другой стране

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23136117

Аннотация

Жили-были два друга. Жили в Хонам, Корея. Жили весело и дружно до тех пор, пока один не уехал в другую страну. Продолжится и их дружба дальше? Найдут ли они то, что искали? Встретятся ли вновь? Все эти вопросы сложные, но каждый из них мог бы точно сказать: "Ты и я... Эти слова давно превратились в "мы", и никакие расстояния этого не изменят".

Воскресный весенний вечер был наполнен самыми разнообразными звуками, в совокупности составляющими непрерывный атрибут такого большого и крайне делового города как Нью-Йорк. Громкая музыка в одном из клубов Бродвея и тихий шум листвы вековых дубов в Проспект парк, успокаивающий шепот реки Хэрлем и раздражающий шум городского метрополитена... В это время в подземке было довольно мало пассажиров, что может быть совсем непривычно для данного вида транспорта, но это только усиливало шум поезда, из-за чего ехать в нем было практически невозможно — легче взять такси. Если у вас есть деньги, конечно.

Но, как показывает вековой опыт городского населения, не всегда и не у всех эти деньги есть, поэтому приходится спасаться от дисгармоничного шума от стука колес чем попало. Музыкой, к примеру. Полностью шум уничтожить не в силах, но окончательно не сойти с ума помогает.

...Kimi ga ita omoide no pazuru no piisu ni

Boku mo sotto yoko ni ita omoide tsunagete...

Мелодичные звуки, издаваемые наушниками, успокаивали. Музыка для чувственных дам, конечно, но сегодня ему захотелось послушать именно ее, хотя в японском он не был силен. И даже можно было представить то тихое метро маленького города Кванчжу, к которому он привык с детства. Если только прикрыть глаза на секунду, что он и сделал, прикоснувшись головой к стенке вагона. Спинай он опирался о

поручень, сбоку от пассажирского сидения. Хотя людей было немного, всё же все свободные места были заняты, ему пришлось стоять. Шин Минкё любил ездить так, отрешившись от суетного мира Нью-Йорка, просто слушая музыку. В синей футболке, простых джинсах, с маленькими сережками в обоих ушах, хотя их было почти не видно, потому что волосы уже давно отросли, и он уже вторую неделю забывал их постричь... он был высок и строен. Спинай он почувствовал легкое прикосновение. Он осторожно обернулся, увидел, что его спутник, который все же пожелал сесть на единственное свободное место, в отличии от него самого, уютно угнездили, прислонившись головой к его спине, хотя, может, рассчитывал на поручень... Со стороны и не определишь.

...Dare ni mo mi rareru koto nai

*Futari no mirai chizu ega kidashita ...**

Ким Чонсу сидел на неудобном сидении, прикрыв глаза. Он тоже не переносил страшного шума и справлялся с ним точно таким же методом, что и Минкё. Так случилось, что его белые наушники вторили тем, фиолетовым, которые использовал его спутник. Периодически его сознание оказывалось где-то вдали, забыв об обычных бытовых проблемах. На станции Гринпоинт авеню он заснул окончательно. Минкё отвернулся, неосознанно вздохнув, – в последнее время Чонсу быстро уставал, и была ли в этом виновата выматывающая работа или бессонные ночи, сказать было трудно.

Откуда-то справа раздался девичий смех, заглушить который не были в силах даже стук колес и музыка. Минкё мельком посмотрел в сторону источника звука. Две девушки беззаботно смеялись, поглядывая на Чонсу. Глупые. Спящих разве не видели? Минкё снова уставился в окно дверей вагона, где мелькала одна черная поверхность гладких стен тоннеля, расположенного глубоко-глубоко под землей.

Спиной он продолжал ощущать голову Чонсу и вполне мог себе представить, как во сне подрагивали его ресницы. Это чуть согревало сердце. Очень кстати, если учесть, что весна снова выдалась не из теплых. До станции Проспект Парк оставалось еще двадцать минут...

*Кусочки мозаики из твоих воспоминаний,

И те, что живут со мной.

Я никогда не видел,

Чтобы на карте были изображены два будущих.

« 1000 Years Always By Your Side », SHINee.

Годомранее.

Начало весны на сей раз выдалось на редкость дождливым, чего не было уже довольно долгое время. Хмурые тучи, принесенные ветром с востока, так и норовили намочить все, что видели внизу. И этот день исключением стать не пожелал, хотя и дождь не в силах был испортить праздничное настроение людям определенного социального статуса.

Выпуск учеников старшей школы в Санчхон-дон района Со города Кванчжу прошел как всегда торжественно и ти-

хо, что не могло уменьшить радость молодых людей по поводу того, что пора наказаний и поощрений в виде оценок в школе окончена, и начинается пора серьезных баллов и всяческих рефератов в университете или же тяжелых трудовых будней на работе. Но все это только впереди, и главное веселье настало после вручения аттестатов об окончании старшей школы.

– Эй, а пойдёте в Чхокору?

– А что там?

– Самая вкусная в городе пицца с сыром!

– А, я не ем сыр, в нем много калорий...

– Больно умная... лишаешь себя всех радостей жизни.

Обсуждение куда бы пойти выпускникам, чтобы достойно отметить начало новой жизни, было долгим, но последний вариант, кафе Чхокору, победил все остальные, и вся толпа ринулась уничтожать продовольственные запасы этого самого кафе. Дождь все не переставал, и к концу непродолжительного пути большинство участников компании, весело переговаривающиеся, громко смеющиеся, оказались промокшими если не полностью, то наполовину точно, потому что разделение трех зонтиков на несколько десятков человек не привело ни к чему хорошему. А день начинался так хорошо!

– Чонсу, ты так от радости дрожишь? – насмешливо спросил парня его друг.

Всей гурьбой они ввалились в кафе, тут же намочив пол

около входа. У Чонсу, парня среднего роста, с довольно короткими волосами, что все же не мешало находиться им в аккуратном беспорядке, с черными прядями челки, мокрыми кольцами прилипшими ко лбу, чуть припухшими нижними веками, что придавало лицу некоторую детскость, в светлой куртке и с синим шарфом, несмотря на довольно теплую одежду, мелко подрагивали плечи.

– Да, прямо счастлив до безумия, – ответил Чонсу другу, в конце убедительно чихнув, после этого тут же отвлекшись на безжалостно налетевшие брызги. – Что ты делаешь?

Оказалось, брызги исходили непосредственно от волос друга, который интенсивно мотал головой, желая поскорее высушить мокрые волосы.

– Знаешь, Минкё, я всегда думал, что в прошлой жизни ты был собакой, – недовольно сказал Чонсу, достав маленький платок и вытерев лицо, вновь ставшее мокрым благодаря другу.

– А ты черепахой, – тут же ответил парень. – Так любишь на солнце жариться, а холод не переносишь.

Он был немного выше Чонсу и, в отличие от него, предпочитал выделяться всеми цветами радуги в своей одежде, чему активно мешала школьная форма. Теперь наступил день прощания с серым пиджаком, который он обещал торжественно сжечь по окончании дня, после того, как не будет снимать его все двенадцать часов.

– Сам ты... черепаховидная собака!

– А ты собаковидная черепаха!

– А вы есть-то собираетесь? – их перепалку осторожно прервал Чонг.

– Конечно... – начал Чонсу.

– ...староста, – закончил Минкё.

Друзья одновременно прыснули. В последнее время у них часто выходило заканчивать фразы друг за другом, они дружили с незапамятных времен, еще с начальной школы, и вышло так, что уже больше чем десять лет они были в одной компании, вместе учились, вместе гуляли, когда-то вместе в первый раз попробовали алкоголь... они прекрасно знали привычки друг друга, и заканчивать фразы друг за другом не составляло особого труда.

Вечеринка была шумной, веселой, бесшабашной... одним словом, последней школьной вечеринкой их классов. Остальные посетители давно покинули кафе, подпрыгивающее от громкой музыки, сменяющейся раз в пять минут – то это был тяжелый рок, то откровенная поп-музыка, вкусы все же у всех были разными. Кафе от такого напора несколько не пострадало, время от времени заказы повторялись, а это единственное, что было нужно управляющему. К вечеру дождь начал стихать, превратившись в редкие печально каплющие капли. Вместе с тем стихало и веселье.

– А теперь попрошу внимания, – крикнула Су Ён, своим звучным голосом перекрыв все звуки в кафе. – Предоставим слово нашему бессменному старосте. – Она картинно похло-

пала.

Пак Чонг произнес короткую, но, тем не менее, напыщенную речь по поводу того, что беззаботная школьная пора закончилась, теперь каждый пойдет своей дорогой, и так далее, практически повторяя речь директора школы, произнесенную несколько часов назад.

– И в конце хотелось бы сделать маленькое объявление, – неожиданно сказал он, привлекая внимание уже успевших заскучать одноклассников. – Мало бы кто отважился ехать в другую страну продолжать свое обучение. Я бы вот не смог, – он чуть отвлекся от того, что хотел сказать сначала. – Но среди нас есть такой человек, которому не страшно пересечь целый океан.

Кто-то начал переглядываться, пожимать плечами, качать головой.

– Совсем скоро Шин Минкё собирается покинуть нас, – слишком трагично объявил Чонг, картинно опустив голову. – Америка отнимает у нас не только территорию в столице, но и лучших людей нашего общества.

Со всех сторон сразу же полились слова удивления или восхищения. Многие желали ему удачи там, за океаном, спрашивали, куда он собирается, где будет жить... Некоторые просто дружески хлопали по плечу, ерошили волосы. Лишь один человек оставался невосприимчив к общему оживлению. Чонсу сидел на пластмассовом стуле поодаль, заблудившись где-то в своих мыслях, не обращая внимания

на общий шум. Минкё взглянул в сторону погрузневшего друга, сердце вдруг кольнула тонкая иголка сожаления, тут же забытого.

– В Нью-Йорк собираюсь, – отвечал он на многочисленные вопросы. – Да, американская литература. Эдгар По там, Купер с Мелвиллом...

Чонсу всегда смеялся над литературными пристрастиями друга. Сам он такую литературу переносить не мог. Раз открыв первую попавшуюся страницу книги, которую нашел лежащей на письменном столе в комнате Минкё, пока тот ушел на несколько минут, чтобы ответить на телефонный звонок, Чонсу тут же захлопнул ее, прочитав насколько предложений, – слишком кроваво оказалось содержание. В ответ же он получал серьезный выговор о том, что не способен оценить настоящее искусство.

Отмечающие уже начали расходиться, погода вовсе не располагала к дальнейшему празднованию, и вечером, уже в одиннадцатом часу, в кафе остались только двое, если не считать обслуживающий персонал.

– Ты собираешься ночевать здесь? – К нему подошел Минкё, прикоснувшись к плечу кончиками пальцев правой руки.

– А, нет, совсем нет, – Чонсу опомнился от глубокой задумчивости.

Он поднялся с пластмассового стула, где провел последние полтора часа, молча, ни с кем не разговаривая, почти не

двигаясь. Они отправились по мокрой улице к Сотаэ, ближайшей станции метро, так было быстрее и суше добраться домой. Вся дорога прошла в глухом молчании. В метро было тихо, наступавшая ночь не приветствовала одиноких путников, заставляя спешить домой. Небо хмурилось, создавая свою печальную песнь дождя.

Друзья жили относительно рядом, в одном квартале. Дом Минкё, к которому они подходили, находился ближе к станции метро Хвачхон, откуда они и вышли.

– Ты ведь вернешься? – тихо задал мучавший его уже продолжительное время вопрос Чонсу.

Он поднял свои глаза, полные огорчения и какой-то обиды, обычно не свойственной ему, пристально посмотрел на друга. Уличный фонарь тускло освещал его лицо.

– Может быть, – неопределенно ответил Минкё.

– Вот так... хочешь уехать, мне не сказал...

– Просто не подумал, – он пожал плечами.

– А у тебя всегда так. Всегда все просто.

– Что с тобой? – Минкё вопросительно посмотрел на Чонсу. – Чего ты от меня хочешь? Извинений? Ну прости.

– Чего хочу?... – тихо повторил тот.

На темной улице, политой мелким дождем, освещаемой тусклым светом фонарей, было совсем немного людей, почти никого. Редкий автомобиль пронесется по дороге. Редкий зонтик покажется на противоположной стороне тротуара. Да и он не смог бы увидеть двух молодых людей, вот уже

которую минуту стоявших под мелким ледяным дождем.

– Хочу, чтоб ты вспомнил кое-что, – спустя некоторое время все же сказал Чонсу.

Минкё несколько секунд непонимающе смотрел на него.

– Я вроде как ничего такого и не забывал, – выдал он после продолжительных копаний в своей памяти, не отличавшейся долговременностью.

Чонсу разочарованно кивнул, будто сам себе, подтверждая свои догадки.

– Наверное, то, что мы обещали вместе учиться дальше, обещали вместе дело открыть, тоже не помнишь?

– Это... – Минкё задумчиво потер переносицу, пытаясь собрать обрывочные воспоминания, до этого времени похороненные под спудом других, менее глобальных сведений.

То было еще в третьем классе средней школы, когда они впервые задумались о том, чем будут заниматься после окончания старшей школы. Для кого-то три года слишком большой срок, чтобы за это время не забыть ничего, из того, что происходило в течение этого времени, кто-то слишком хорошо помнит, что было и три, и десять лет назад. Минкё относился к первому типу людей, Чонсу же, наоборот, ко второму.

– Это же было так давно, это ведь было в шутку, – отмахнулся Минкё. – Сейчас началась другая жизнь, а детские мечты...

Он вдруг замолчал. Укоризненный взгляд друга заставил

его почувствовать себя предателем. Тем не менее, от своих планов отказываться он не собирался. Что они, эти детские воспоминания значат для взрослой жизни?

– Нет, теперь это другая жизнь, – вновь повторил он.

Чонсу резко отошел на пару шагов, остановившись ненадолго, вновь посмотрел тем самым непривычным взглядом на своего друга и, никак не попрощавшись, быстро отправился по направлению к своему дому, расположенному на небольшом расстоянии от дома Минкё. Тот еще несколько секунд смотрел вслед Чонсу, а потом входная дверь его дома тихо закрылась за ним. Дождь все продолжался.

А Чонсу наоборот совсем не желал возвращаться домой, в место, где каждая вещь напоминала о прошедшем этапе его жизни. Холодные капли стекали по его лицу, одежде, срывались с рук, безучастно опущенных вниз. Он был зол на себя за такое прощание, за такое серьезное отношение к ничего не значащим обещаниям, за отсутствие радости за друга, решившего продолжить обучение в другой стране. Он был зол на него. А вот за что... С какой стороны ни посмотри, он был прав, и пора была забывать детские мечты и начинать взрослую жизнь. «Эгоист...» – еле слышно обратился к самому себе Чонсу, звучно чихнув и открыв дверь своего дома.

Следующим утром Чонсу сполна расплатился за свою вольную прогулку под холодным дождем. Нос не выполнял свою основную функцию, вынуждая лишь чихать, горло было похоже на наждачную бумагу, а все тело горело, возвещая

о повышенной температуре. Сделав слабую попытку встать, Чонсу потерпел страшное поражение, так и оставшись на целый день в постели. От слов, произнесенных вчера, от чувств, вчера испытанных, становилось только хуже, и после полудня Чонсу захотелось вовсе провалиться сквозь землю и все воспоминания о себе заодно унести. Примерно в это время на его телефон пришло короткое сообщение от непосредственного виновника его жалкого состояния, не позволившего ему закончить свою подготовку к вступительным экзаменам в университет.

«Как настроение? Отошел от вчерашнего?». Раньше Чонсу не замечал за своим другом телепатических способностей, но в этот раз усомнился в своей осведомленности. Спросил, будто в воду глядел.

«Болею», – коротко ответил Чонсу, на все заданные и предстоящие быть заданными вопросы. Ответа на это сообщение не последовало, и Чонсу уже почти уснул под действием тех чудодейственных таблеток, которые отыскала его мама где-то на верхней полке в углу кладовки, как вдруг перед его слипающимися глазами появился тот человек, которого Чонсу вовсе не желал видеть ближайшие сорок восемь часов, по причине того, что очень трепетно относился к обещаниям, вовсе не терпя их пренебрежения.

– О... – сочувственно протянул Минкё. – Что, вчера слишком холодно было? Нагулялся под дождем?

Он присел на краешек кровати рядом с Чонсу, разглядыва-

вая его комнату, в которой был уже не раз и не два, но всегда находил что-то новое для себя. Вот и в этот раз оказалось, что он никогда не замечал снежный шар, не большой и не маленький, средних размеров, стоящий на верхней полке высокого шкафа.

– Тебе не... – Чонсу закашлялся, сделав неутешительный вывод о том, что на сегодня о разговорах ему придется забыть. Вышло лишь прошептать: – ...не следует быть так близко около меня, а то заразишься.

– Э нет, это мне не грозит, – рассмеялся Минкё. – Я ведь закаленный, закаленнее некуда.

Чонсу горько усмехнулся. Вдруг он подумал, что все, что он сказал или хотел сказать вчера – все это пустое, и перед ним был его лучший друг детства, ни меньше и ни больше, и он ничем не был ему обязан. Что там какие-то давние обещания? И говорил он с ним как всегда, чуть насмешливо, чуть расслабленно и отвлеченно, время от времени спрашивая о его самочувствии. Об отъезде, пока еще далеко, никто из них не упоминал.

– А все-таки, – вдруг прервал свой рассказ о недавно прочитанной книге Минкё, – что на тебя вчера нашло?

Глаза его смотрели так пристально и внимательно, будто он пытался найти ответ, прочитав мысли Чонсу.

– Ничего, – прошептал тот охрипшим голосом.

– Точно?

– Абсолютно ничего, – повторил Чонсу, стараясь забыть

все это непрошенное огорчение и необъяснимое ощущение того, будто его покинули и оставили совсем одного. – Только... ладно, забудь, не стоит вспоминать.

– Ну хорошо... И вот, этот главный герой открывает страшную, просто ужасную тайну, из-за чего его начинают преследовать... – продолжил он свой рассказ.

Так Чонсу и заснул под спокойный, низкий и теплый голос своего лучшего друга, послужившего лучшим снотворным и лучшим лекарством в отличие от всяких непривлекательных на вид пилюль. Минкё некоторое время еще рассказывал в сонную пустоту, прекрасно зная, что друг уже давно не слышит его – тихое дыхание выдавало его неспособность сопротивляться сну. Он всегда любил рассказывать что-то, что прочитал или увидел недавно, а еще ему хотелось, чтобы Чонсу спал как можно лучше, чтобы быстрее выздороветь, ведь экзамен у друга, как он знал, был уже через несколько дней. Но долго задерживаться тоже не имело смысла, и вкратце договорив то, что он хотел сказать, Минкё как можно тише, почти неслышно прикрыл за собой дверь. А солнце светило ярко и настойчиво в этот день словно в насмешку над несчастным, находившимся на втором этаже небольшого дома на Чхонан-ро*.

*Чхонан-ро – улица в районе Со, Кванчжу.

Так прошел день и еще два, и солнце вставало и заходило, каждый раз заглядывая в окно на втором этаже. Несмотря на заключение доктора, которого все же пришлось при-

гласить домой, Чонсу продолжал болеть долго и изнурительно, слишком медленно идя на поправку. Тот своенравный дождь забрал все силы и теперь заставлял расплачиваться. Забирало все силы и то, что редко когда Чонсу удавалось хорошо выспаться, потому что оставшись один он тут же начал невольно вспоминать то, что надумал себе и испытал в действительности. Может быть, это и забылось бы через пару дней, но виновник такого душевного состояния не давал этого сделать. Минкё навещал друга почти каждый день, и если один раз он забежал, по его уверениям, на пять минут, то в следующий получалось на все четыреста двадцать пять. Но, как бы то ни было, с помощью горьких лекарств, а может, того жутко смешного фильма, который Минкё принес на днях, Чонсу все же выздоровел, успешно пропустив первый вступительный экзамен в Национальный Университет Чхоннам.

– Да не переживай, – сказал при этой новости Минкё, хлопнув друга по плечу, – сдашь остальные, потом досдашь этот свой экзамен и все будет ОК!

– Пересдавать вступительные экзамены нельзя, – покачал головой Чонсу, нисколько не заразившись отличным настроением друга.

– Вот и еще лучше, – не сдавался тот. – Я никогда бы не смог представить тебя в роли юриста.

Ответом послужил только полузлобный-полуобожженный взгляд, который был сродни лазерному лучу. Тем не менее, Минкё оставался невозмутим. За многие годы общения с

Чонсу у него выработался стопроцентный иммунитет к таким вот взглядам, а в дополнение ко всему ему предстояло еще несколько месяцев относительного безделья, если можно было так выразиться, ведь лететь в Америку нужно было лишь в августе, и это создавало только дополнительные баллы к положительному расположению духа.

Его друг же... Не все люди добиваются своих целей без помех, и в этот раз длинный неутешительный перст судьбы указал именно на Чонсу. Хотя он возражал насчет советов сдать оставшиеся экзамены, все же волей-неволей в конечном счете последовал им. Как и ожидалось, усилия оказались бесполезными во всем своем объеме. Целлофановый пакет, в котором был ёт, сладкая тянучка, которая намертво приклеивалась к зубам, если ее положить в рот, обязательно перед вступительными экзаменами, приклеивалась так же, как будущий студент должен был приклеиться к институту, как настоятельно советовала суеверная бабушка, так и остался лежать на столе. Несколько дней после окончательного осознания этого Чонсу казалось, что мир прекратил свое существование, а если это и не так, то должен сделать это в ближайшем будущем. Несмотря на эти хмурые мысли одного недовольного представителя тех несчастных, чьи надежды не сбылись и в скором времени сбываться не намерены, мир продолжал существовать нерушимо, и солнце вставало и заходило согласно давно заведенному порядку. К тому же Минкё всегда отличался непревзойденным умением подбадривать сво-

их друзей, а в отношении Чонсу такое умение часто было весьма кстати, так уж вышло. А тут еще и Кёнхи, девушка, с которой Чонсу встречался некоторое время не так давно, позвонила на днях.

– Да твоя жизнь-то налаживается! – сказал Минкё, которому посчастливилось слышать их не совсем продолжительный разговор. На это замечание Чонсу лишь чуть улыбнулся, хотя улыбка его вышла немного кривой.

Тогда Минкё снова пришел в дом друга, без особого на то приглашения. В последнее время они вообще часто бывали вместе, хотя школа уже давно закончилась, и, казалось бы, тут пути друзей должны были разойтись, как это обычно бывает. И хотелось, чтобы эта маленькая заминка продолжалась как можно дольше.

И жизнь восстанавливала свой обычный ход, и все было в порядке, и Чонсу даже нашел работу, чтобы не сидеть целый год без дела, потому что решил обязательно поступить в университет в следующем.

Все было бы еще лучше, если бы не одно маленькое НО, с каждым днем все увеличивающееся в своих размерах. Весна оказалась быстрой, почти незаметной и очень стремительной. Лето... каждый год лето проносится безвозвратно, не успеешь и ухватить, каждый день похож на предыдущий, и хотелось бы, чтобы эта карусель никогда не заканчивалась. Своенравный август настал незаметно, словно подкравшись из-за угла, как грабитель, похитивший нежное тепло. Одним

августовским вечером непрошенный порыв ветра сорвал колеблющийся нежный листочек с его родной ветки, а, как известно, первый упавший лист возвращает приход осени.

За все это время друзья общались, как и прежде, может быть, даже и чаще, дурачились, как и год, и все четыре года назад. На первый взгляд можно было бы сказать, что ничего, абсолютно и стопроцентно ничего не изменилось со времен вечеринки по случаю выпускного, кроме... Хотя нет, это было просто наваждением непрошенных воспоминаний далекого детства. И все же каждый день приближал прощание с другом еще на двадцать четыре часа. Мало что значит для тех, кто прощается со знакомым, но очень важно то было для того, кому предстоит прощаться с лучшим другом, человеком, которого он знает вот уже больше десяти лет, который выручил его когда-то в той очень сложной ситуации, когда... хотя это уже другая история. И, тем не менее, ветки, ласкаемые ветром, неустанно покачивались, листья давно распустились и уже собирались поменять свой цвет.

– Ты ведь скоро уезжаешь, да? – как-то раз спросил Чонсу.

На эту тему они разговаривали редко, практически никогда. И вот теперь эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. В тот вечер друзья снова встретились вроде и случайно, вроде и договариваясь... как обычно. Рабочий день Чонсу уже закончился, и теперь он и Минкё уничтожали уже второй стакан пива в дешевой забегаловке «Рина».

– Вроде того, – ответил парень после продолжительного

молчания и смакования очередного глотка горько-соленой темной жидкости.

– Ммм... – только и протянул на это Чонсу, уставившись в сторону зеркала, висевшего напротив барной стойки и длинной во всю стену. Глаза его перебегали от одного интригующего названия на длинной средней полке к другому, от ярко-желтого цвета к нежно-зеленому, а от них к ядовито-розовому, а потом все повторялось заново. Время от времени его взгляд, блуждающий по холодной стеклянной поверхности, натывался на задумчивое лицо, обрамленное черными прядями волос, с легкой улыбкой, никак не сочетавшейся с этой задумчивостью, вследствие чего полностью ее скрадывающей. Трудно было представить, что вот такие вот сиделки в дешевом баре маленького родного города скоро превратятся только в пустые воспоминания. Решив отогнать от себя такие ненужные и пустые мысли, Чонсу принялся издалека читать очередную этикетку на бутылке, ради возможной покупки которой ему пришлось бы работать два года без всякой траты денег на собственные нужды.

– Как твоя работа? – вдруг спросил Минкё, вернув друга на грешную землю.

Чонсу вздрогнул от его слов, тут же оторвав взгляд от отражения и уставившись на свой стакан, так и не опустевший за последнюю четверть часа. За окном, которое уже давно требовало к себе внимание уборщика, надежно устроилась ночь, начисто отказываясь покидать улицы Кванчжу в бли-

жайшие десять часов и поддаваться каким-то маленьким фонарям.

– Так... скучно, – все-таки ответил Чонсу.

– Еще бы, – усмехнулся Минкё. – Младший помощник старшего помощника младшего секретаря частного адвоката. Я бы удивился, если бы на этой работе было бы что-то увлекательное и интригующее.

– Не издевайся, будущий эмигрант, – мрачно ответил Чонсу, сопроводив свои слова подзатыльником, оставшимся полностью безнаказанным. – И кстати, у господина Канг, который, к твоему сведению, не просто адвокат, а глава целого агентства, предоставляющего адвокатов, только один секретарь, а у него только один помощник, и это я.

– О, так это полностью меняет дело, – важным тоном произнес парень.

– Но знаешь... переносить какие-то мелкие бумажки или бегать за кофе каждый час действительно утомляет своей однообразностью. Каждый день одно и то же, а если и не так, то я явно что-то забыл сделать, и на следующий день все опять начинается сначала. А те, кому посчастливилось быть выше тебя, и за человека-то не считают.

Чонсу снова рассеянно взглянул на зеркальную стену, потом за один раз прикончил все содержимое стеклянной емкости. Однообразие его всегда угнетало, а его работа, которой вначале он несказанно обрадовался, с каждым днем заставляла все больше и больше жалеть об опрометчивом ре-

шении устроиться на нее.

– А может, ты займешься чем-нибудь другим? – спросил Минкё.

– Чем это?

– Учебой, например.

– Так я ведь...

– Махнешь со мной в Америку, а?

Минкё внимательно посмотрел на друга, чуть повернувшись на своем высоком стуле и попытавшись найти в его лице хоть тень согласия. Тот долго не отвечал на его вопрос, вновь уставившись в эту проклятую стеклянную стенку, а потом медленно покачал головой.

– Не могу. К такому же надо готовиться заранее, за год уж точно! И потом... уровень моего английского достоин того, чтобы его занесли в Книгу Рекордов Гиннеса.

– Да уж, я помню твои результаты за последний тест в школе.

Ответом послужил второй подзатыльник, которому уже не суждено было остаться безнаказанным, после чего Чонсу, потирая ушибленную руку чуть выше локтя, повторил заказ.

– Работаешь у Канга? – встрял в разговор бармен, наливая очередной стакан пива. – Говорят, он не у одного несчастного неудавшегося студента всю кровь выпил.

– Правда? – Чонсу поднял на него глаза, словно побитая собака, которую приманили добрым словом.

– Таких историй я слышал уже сотню, – подтвердил бар-

мен. – И поверь, многие из них похуже твоей.

Бармен, мужчина лет тридцати, с ловкими руками, привыкшими натирать стаканы и взбалтывать всевозможные коктейли, и пронизывающим, немного хитрым взглядом, которого можно было называть Ник, если верить бейджику, и имя которого на самом деле оказалось Окхи, рассказал одну из тех историй, обилиями которых похвалился только что. И если такая история действительно имела место в недавнем прошлом, а именно два года назад, то Окхи оказался прав на все сто, а то и двести процентов, и судьба Чонсу, и правда, была не такая уж и ужасная, как он ее описывал. Некий Унсим, часть биографии которого совпадала с недавней биографией самого Чонсу, прожил некоторое время более плачевно, чем последний мог себе представить.

– Тот парень, Унсим, пришел сюда один в тот вечер, долго молчал, но после того, как он выпил целую бутылку сочжу* в одиночку, и прекратилось его молчание, – говорил Окхи. – А как вы знаете, работа бармена, помимо выполнения заказов, – выслушивать и соглашаться. Тогда я перевыполнил свою работу на месяц вперед. Но он был секретарем Канга, может, тебе повезло, что ты на более низкой должности? И если ему верить, то он работал чуть ли не двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Бумаги, кофе, бумаги и еще раз бумаги. А как-то раз поздно вечером, чуть ли не ночью...

– Эй, Ник, плесни-ка еще стаканчик! – раздался громкий грубый голос мужчины, судя по виду которого можно было

бы сказать, что ему уже хватит. Девушка, висевшая у него на шее, только подтверждала такое предположение.

Бармен так и не договорил начатую историю горемыки, поспешив выполнить накопившиеся заказы за барной стойкой.

Стрелки часов бесчувственно выполняли свои точные положенные им движения, приближая быстро наступающую ночь. Сидеть в атмосфере, в составе которой большинство процентов занимал табачный дым, больше не имело смысла, и друзья вышли из бара в десятом часу, блаженно вдыхая относительно чистый воздух, если не принимать во внимание выхлопные газы. Августовское небо пестрело звездами, яркими и не очень, свою лепту на нем вносили и еле видные спутники, а иногда проносились и падающие маленькие обитательницы неба, призывая своим падением загадывать желания, которые обязательно сбудутся после этого, но... ради такого волшебства нужно держать голову поднятой к небу почти всю ночь, если улыбнется удача, и не будет хмурых облаков, и, самое главное, если есть что загадывать. Ни у Минкё, ни у Чонсу времени держать голову, задранной кверху, не было, и уж точно не было и желания.

– Но все-таки интересно, что там случилось у того парня ночью? – вдруг вспомнил Минкё незавершенную историю, когда они уже вышли из вагона метро и теперь поднимались на поверхность, окружавшую Хвачхон. – Окхи так и не договорил.

– Кто его знает... – Чонсу пожал плечами. – Может, компьютер разбил бейсбольной битой, когда уже все надоело.

– И выбросил из окна на машину Канга?

– О, было бы неплохо, – Чонсу сдержанно усмехнулся, тут же подавив непрощенное веселье. – Но...

– Чего?

Минкё попытался ударить по валявшемуся на малолюдной дороге камню, промахнулся, на этом вовсе не сдавшись, попробовал снова, хотя заслать ни в чем не повинную бесформенную субстанцию куда подальше, а именно в кусты, росшие вдоль тротуара, получилось только с третьей попытки. Раздавшемся через несколько секунд звуку, обозначившему столкновение двух твердых тел, каменного и металлического, вторил еле сдерживаемый смех по правое плечо удалившего. В конце концов, побороть смех Чонсу не удалось, а с ним этому прекрасному явлению поддался и Минкё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.